

Разные стратегии адаптации русских глаголов в двух близкородственных языках: нанайский и ульчский

С. А. Оскольская

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия);
sonypolik@mail.ru, ORCID: 0000-0001-8658-2133

Н. М. Стойнова

Университет Гамбурга (Гамбург, Германия); stoynova@yandex.ru, ORCID:
0000-0001-8979-3788

Аннотация. В статье анализируются стратегии морфологической адаптации русских глаголов в нанайском и ульчском языках. В двух этих близкородственных языках глаголы, заимствованные из русского, оформляются по-разному. В нанайском языке в качестве основной стратегии используется непрямая вставка русской основы с помощью вербализатора. В ульчском — прямая вставка. Предполагается, что наблюдаемые различия могут быть вызваны двумя факторами. Первый — ареальный: стратегия адаптации глагола, видимо, заимствуется из одного языка в другой. Второй фактор — морфонологический: различия в адаптации глаголов согласуются с различиями в том, насколько отчетливы в языке морфемные границы и насколько для него характерны морфонологические процессы на стыке основы и аффикса.

Ключевые слова: нанайский язык, ульчский язык, глагольные заимствования, языковые контакты.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-29-09097.

Two similar languages borrow verbs in different ways: Russian verb loans in Nanai and Ulcha

Sofia A. Oskolskaya

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia); sonypolik@mail.ru, ORCID: 0000-0001-8658-2133

Natalia M. Stoynova

University of Hamburg (Hamburg, Germany); stoynova@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-8979-3788

Abstract. The paper deals with the strategies of morphological accommodation of Russian verbs in two closely related Tungusic languages, Nanai and Ulcha. The study is based on examples taken from Nanai and Ulcha texts recorded in the 1970–2010s by various scholars. The data show that Nanai and Ulcha display a significant difference in the loan verb accommodation strategies. Nanai employs the so-called “indirect insertion” as a main strategy whereby a Russian verbal stem first takes a specific verbalizing affix and then the derived stem takes Nanai inflectional markers, whereas Ulcha prefers direct insertion, with Russian verbal stems taking Ulcha inflection without any additional marking. In addition, Nanai and Ulcha use different input forms of the Russian verbs to be accommodated. The languages also differ in the way they accommodate Russian reflexive verbs.

There seem to be two main factors behind such a great difference between Nanai and Ulcha, two closely related, both genealogically and grammatically, languages. One factor is areal, since Ulcha follows the accommodation strategy characteristic of some other neighboring Tungusic languages such as Negidal or Uilta (Orok). The other factor is morphophonological: the attested difference in the accommodation of Russian verbs in both languages accords with the difference in the morphophonological processes taking place on morpheme borders. Morpheme borders in Nanai are fairly clear-cut. This can prevent direct insertion of Russian stems that phonologically differ from typical Nanai stems. The use of Nanai verbalizers helps accommodate Russian stems to the Nanai grammar, since the verbalizers can attach to any vowel-ending stem (including Russian past-tense stems). Morpheme borders in Ulcha are fuzzy: this opens a way to accommodating any type of Russian stems to the Ulcha grammar. That is why Ulcha, in contrast to Nanai, seems to have no restrictions on the direct insertion strategy.

Keywords: Nanai language, Ulcha language, verbal borrowings, language contacts.

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR according to the research project № 17-29-09097.

1. Введение

В статье проанализированы стратегии морфологической адаптации русских глаголов в нанайском и ульчском языках. Нанайский и ульчский — близкородственные языки тунгусо-маньчжурской языковой семьи, распространенные в Хабаровском крае в бассейне р. Амур.

Стратегии адаптации заимствованных глаголов неоднократно описывались как для конкретных языков (см., например, [Баранова 2020] о монгольских языках), так и в типологической перспективе (см. [Moravcsik 1975; Wichmann, Wohlgemuth 2008; Wohlgemuth 2009]). Отдельного внимания заслуживает статья [Forker 2021], представляющая результаты ареального исследования адаптации русских глаголов в языках коренных народов России.

В указанных работах, в частности, были сформулированы обобщения о предпочтении тех или иных стратегий в языках и контактных ситуациях того или иного типа. Однако это тенденции, а не жесткие закономерности, и встречаются случаи, когда в одном и том же языке конкурирует несколько стратегий или в языках, близких по всем параметрам, глагольные заимствования адаптируются по-разному.

Одну из таких ситуаций мы подробно рассмотрим в статье. Задача работы — предложить объяснения различиям в стратегиях адаптации глаголов, наблюдаемым между близкородственными языками, — апеллирующие не к общим, а, наоборот, к очень частным свойствам этих языков.

Несмотря на генетическую и структурную близость, а также сходство социолингвистических ситуаций, при адаптации русского глагола нанайский и ульчский языки используют принципиально разные стратегии. В нанайском языке зафиксирована стратегия непрямой

вставки (indirect insertion, см. [Wohlgemuth 2009]): к основе русского глагола присоединяется нанайский вербализатор *-la*, за которым следуют морфологические показатели, свойственные нанайским глаголам, см. пример (1). Для ульчского языка характерна прямая вставка (direct insertion): ульчские показатели присоединяются непосредственно к основе русского глагола, см. (2).

- НАНАЙСКИЙ
- (1) *pečem-bə-ni žari-la-go-o-ri*
 печень.R-ACC-3SG жарить.R-vblz-REP-IMPS-PRS
 ‘...печень жарят’ (Оскольская, Стойнова: gchk)¹.

- УЛЬЧСКИЙ
- (2) *malta ulsə-wə-ni, simsə-wə-ni žaru-m*
 дельфин мясо-ACC-3SG жир-ACC-3SG жарить.R-CV.V.SIM.SG
 ‘Когда дельфинье мясо, жир жарят...’ (Оскольская, Стойнова: mkd).

В статье обе стратегии, а также возможные отступления от них будут рассмотрены более подробно на материале полевых коллекций устных текстов. Детально описав правила адаптации русских глаголов в нанайском и в ульчском языках, мы выскажем предположения о том, почему в каждом из языков в каждом конкретном случае выбирается именно эта стратегия. Одно из предположений связано с ареальным влиянием. Другое — с различиями в морфологической системе нанайского и ульчского языков, а именно с большей сложностью морфонологических процессов в ульчском.

Статья организована следующим образом. В *Разделе 2* приводится краткая вводная информация: о глагольных заимствованиях, об исследуемых языках, в частности об их глагольной морфологии, а также об анализируемой выборке примеров. В *Разделах 3 и 4*

¹ Здесь и в примерах ниже в скобках дано указание на источник примера в формате «коллекция текстов: код информанта». Для опубликованных коллекций ссылка дается в стандартном библиографическом формате. Об источниках примеров см. *Раздел 2.5*.

подробно описаны правила адаптации русских глаголов в ульчском и в нанайском языках соответственно. В частности, в типологических терминах охарактеризована основная стратегия адаптации, свойственная языку; описан выбор русской основы (вид, морфологический тип) и морфологические процессы, происходящие при присоединении тунгусо-маньчжурских аффиксов; отдельно описана адаптация рефлексивных глаголов (на *-ся*); перечислены случаи отступления от основной стратегии. В *Разделе 5* нанайская и ульчская системы сравниваются и обсуждается несколько предположений о причинах различий между ними. *Раздел 6* представляет собой краткое заключение.

2. Предварительная информация

2.1. Адаптация заимствованных глаголов

Разные версии типологически ориентированной классификации стратегий адаптации глагольных заимствований представлены в [Moravcsik 1975; Wichmann, Wohlgemuth 2008; Wohlgemuth 2009]. Похожим образом классифицируются типы интеграции глагола при переключении кодов, см. [Muysken 2000: 184–220; Myers-Scotton, Jake 2014].

Ниже кратко описан вариант классификации из [Wohlgemuth 2009]: к ней мы будем апеллировать, описывая адаптацию русских глаголов в нанайском и ульчском языках. Я. Вольгемут классифицирует стратегии адаптации глагольных заимствований по двум основным параметрам.

1) Какая форма языка-донора выбирается. Вольгемут рассматривает четыре варианта, встречающихся в языках мира:

- абстрактная форма (*abstract form*), не представленная в языке-доноре без дополнительных словоизменятельных аффиксов;
- обобщенная форма (*general form*): одна из «дефолтных» форм (форм цитации), например императивная или инфинитивная;

- форма со словоизменительными показателями (inflected form): одна из форм, которая морфологически оказалась удобной для адаптации в язык-реципиент;
- полуглагольная форма (semi-verbal form), например причастие или масдар.

2) Каким образом глагол из языка-донора заимствуется в язык-реципиент. По этому параметру также выделяется четыре возможных стратегии:

- прямая вставка (direct insertion): словоизменительные показатели языка-реципиента присоединяются непосредственно к глагольной форме языка-донора;
- непрямая вставка (indirect insertion): к форме языка-донора присоединяется какой-либо специальный аффикс языка-реципиента (часто это бывают аффиксы, образующие глагол от других частей речи) и только затем словоизменительные показатели;
- стратегия легкого глагола (light verb insertion): глагольная форма языка-донора остается морфологически неизменной, а для словоизменения используется вспомогательный глагол языка-реципиента (часто это глагол 'быть' или 'делать');
- вставка парадигмы (paradigm insertion): глагольное заимствование интегрируется в язык-реципиент вместе со всеми словоизменительными показателями из языка-донора.

В статье мы рассмотрим также более частные параметры варьирования, связанные с адаптацией русского глагола, ср. их обзор на большой выборке языков России в [Forker 2020]:

- морфологический тип русской основы: если в язык-реципиент интегрируется не какая-либо существующая форма русского глагола, а глагольная основа («абстрактная форма»), то это может быть основа презенса (*тши-*) или основа прошедшего времени (*тиса-*);
- вид русского глагола: СВ или НСВ — часто выбор вида не зависит собственно от аспектуальной семантики, а регулируется

- какими-либо формальными правилами, может последовательно выбираться один из видов (например, НСВ);
- поведение возвратных глаголов: возвратные глаголы, у которых в русском языке за словоизменительными показателями следует постфикс *-ся*, могут при интеграции в язык-реципиент оформляться не так, как обычные глаголы; постфикс *-ся* может сохраняться или опускаться, иногда он дублируется или заменяется похожим по семантике аффиксом языка-реципиента.

2.2. Нанайский и ульчский языки: общая сопоставительная информация

Нанайский и ульчский относятся к небольшой подгруппе близкородственных языков тунгусо-маньчжурской языковой семьи (южно-тунгусской, или нанайской). До сер. XX века они считались диалектами одного языка. Нанайский и ульчский языки распространены на смежных территориях: нанайский язык — на большом пространстве вдоль по течению Амура, ульчский язык — значительно более компактно — в нижнем течении Амура (Ульчский район).

Грамматические системы нанайского и ульчского языков в целом очень похожи. Из различий, релевантных в контексте исследования, можно отметить морфонологические. В ульчском языке наблюдаются более сложные морфонологические явления, чем в нанайском, — чередования и другие процессы на стыках морфем (см. ниже *Раздел 2.3*).

Социолингвистические ситуации, в которых находятся ульчский и нанайский языки, сопоставимы. Оба языка находятся под угрозой исчезновения — ульчский в большей степени, чем нанайский. Нанайский язык превосходит ульчский по территории распространения и количеству носителей. По данным Переписи 2010, владение нанайским языком указали 1 347 человек, 11 % от этнической группы, владение ульчским — 154 человека, 6 % от этнической группы. Ни нанайский язык, ни ульчский не передается детям, свободно владеют им представители старшего поколения, все носители двуязычны, ульчский и нанайский язык на данный момент

используются большинством носителей значительно менее активно, чем русский. Подробнее см. [Герасимова 2002; Калинина, Оскольская 2016; Сумбатова, Гусев 2016].

2.3. Глагольная морфология нанайского и ульчского языков

Глагольная морфология нанайского и ульчского языков очень схожа. Мы дадим ее общий обзор — обращая внимание на особенности, важные для адаптации русских глаголов, — а потом остановимся на частных различиях между языками. В нанайском языке четыре словоизменительных класса глагольных основ:

- 1) основы на краткий гласный: *songo-* ‘плакать’;
- 2) основы на долгий гласный или дифтонг, в т. ч. на $V_i \sim V_j$: *sā-* ‘знать’, *xaj-* ‘что-то делать’;
- 3) основы на *-n* и небольшое число основ еще на несколько согласных: *un-* ‘говорить’;
- 4) закрытый список иррегулярных основ: *ga-* ‘собирать, покупать’.

В ульчском языке выделяются те же классы, небольшие отличия наблюдаются для маргинальных групп глаголов на *-p* и на *-si*.

Различия между классами наиболее ярко проявляются в формах настоящего и прошедшего времени — показатель настоящего / прошедшего времени выбирается в зависимости от класса, ср. (нанайский)²:

НАНАЙСКИЙ

- (3) a. *songo-j-ni* ‘плачет’, *songo-xa-ni* ‘плакал’
- b. *sā-re-ni* ‘знает’, *sā-xa-ni* ‘(у)знал’; *xaj-re-ni* ‘что-то делает’,
      xaj-xa-ni ‘что-то сделал’

---

² Все сказанное в этом разделе касается как финитных форм настоящего и прошедшего времени, так и форм настоящего и прошедшего времени причастий, к которым диахронически восходят соответствующие финитные формы. Поскольку финитные формы и причастия морфологически полностью совпадают, а в некоторых случаях сложно однозначно определить форму, в статье они глоссируются одинаково.

- c. *un-ži-ni* ‘говорит’, *uŋ-ki-ni* ‘сказал’
 d. *ga-že-ni* ‘покупает’, *ga-če-ni* ‘купил’

Самый многочисленный и продуктивный класс — класс глаголов на краткий гласный.

При присоединении основных словоизменительных аффиксов в нанайском языке (по крайней мере, в наших материалах) заметных морфонологических процессов на стыках с основой обычно не происходит.

В ульчском языке самые заметные морфонологические процессы происходят в форме настоящего времени. Для основ на краткий гласный показатель настоящего времени — *i*. При его присоединении усекается либо гласный основы (а), либо, реже, сам показатель настоящего времени (б), для основ на *-i* происходит стяжение гласного основы и суффикса в единый гласный *i*³:

ульчский

- (4) a. *soŋgo + i + ni > soŋgini* ‘он плачет’
 b. *anžū + i + ni > anžūni* ‘он строит’
 c. *umi + i + ni > umini* ‘он пьет’

Похожие процессы происходят и на стыках с другими суффиксами, начинающимися на гласный (коннегативный суффикс, суффикс будущего времени, суффикс второго настоящего времени) или имеющими вариант на гласный (императив *-ru~u*, имперсонал *-wu~u*). Этим форм в наших данных встретилось очень мало, и далее мы их не обсуждаем.

В формах с показателями на согласный изменения претерпевает часть основ на краткий гласный, финальный гласный которых подвержен качественной и количественной редукции: для него наблюдается регулярное или факультативное чередование (5).

ульчский

- (5) *umi + xə + ni > utixəni* ‘он пил’ (PST)
umi + m > utim ‘выпивая’ (CVB.SIM)

³ Аналогичное стяжение гласного основы с суффиксом настоящего времени иногда фиксируется и в говорах нанайского языка, однако там это явление гораздо менее регулярное и частотное, чем в ульчском.

В беглой речи наблюдается сильная количественная редукция такого гласного, в некоторых контекстах может полностью выпадать: *xodi + xa + ni* > [xodxan] ‘он закончил’.

Глагольная морфология подчиняется упомянутой выше общей тенденции: в нанайском языке в целом более отчетливые морфемные швы, меньше морфонологических процессов на стыках морфем, ср.:

- НАНАЙСКИЙ ~ УЛЬЧСКИЙ
(6) *soŋgojni* ~ *soŋgini* ‘он плачет’
otemi ~ *utim* ‘выпивая’

Подробнее о нанайской глагольной морфологии см. [Аврорин 1961], особенно [Аврорин 1961: 11–15], об ульчской — [Петрова 1936: 48–69; Суник 1985: 42–50; Kazama 2024: 420–421].

2.4. Русская глагольная морфология

Каждый глагол русского языка однозначно охарактеризован как глагол совершенного вида, или перфективный (*прочитать*), vs не-совершенного вида, или имперфективный (*читать*); исключение составляет небольшая группа т. н. двувидовых глаголов (ср. *ранить*, *информировать*). Применительно к русскому виду часто говорят о системе видовых пар — пар глаголов СВ и НСВ с существенной общностью лексического значения (*читать* — *прочитать*, *перечитывать* — *перечитать*), см., например, [Зализняк и др. 2015]. Члены видовой пары могут находиться между собой в разных формальных отношениях:

- а) глагол НСВ морфологически проще глагола СВ: глагол СВ образован от глагола НСВ с помощью префикса (НСВ *портиться* → СВ *ис-портиться*);
- б) глагол НСВ морфологически сложнее глагола СВ: глагол НСВ образован от глагола СВ с помощью имперфективирующего суффикса (СВ *намотать* → НСВ *намот-ыва-ть*, СВ *продать* → НСВ *продавать*);

- в) глаголы НСВ и СВ равной морфологической сложности: к этой группе мы будем условно относить пары типа *ре-шить* — *решать*, *отправить* — *отправлять*, *клонуть* — *кле-вать*, применительно к ним или к части из них обычно говорят о производности глагола НСВ от глагола СВ с помощью имперфективного суффикса *-а-*, однако на поверхностном уровне, в отличие от образований с помощью имперфективного суффикса *-ыва* или *-ва* (как в б)), они не оказываются сложнее коррелята СВ.

Русский глагол имеет две формальные основы — основу презенса, или императива, (обычно оканчивается на согласный: *читај-*, *пиш-*) и основу прошедшего времени, или инфинитива (обычно оканчивается на гласный: *чита-*, *писа-*). От каждой основы образуется свой набор форм. От основы презенса — форма презенса (или настоящего времени НСВ, или будущее синтетическое для глаголов СВ: *читаю*, *прочитаю*), деепричастие на *-а* (*читая*), причастия настоящего времени (*читающий*, *читаемый*) и императив (*читай*): императив ед. ч. представляет собой чистую основу настоящего времени или с добавлением суффикса *-и*. От основы прошедшего времени — форма прошедшего времени (*читал*), инфинитив (*читать*), деепричастие на *-в* (*прочитав*), причастия прошедшего времени (*прочитавший*, *прочитанный*). Несколько огрубляя, можно сказать, что к основе презенса (на согласный) прибавляются словоизменительные аффиксы на гласный, а к основе прошедшего времени (на гласный) — аффиксы на согласный. У некоторых глаголов основы совпадают (ср. *нести*, *несла*, *несу*), или, наоборот, обнаруживаются дополнительные расхождения между основой, используемой в инфинитиве и в прошедшем времени (*печь* и *пекла*; *оглохнуть* и *оглохла*) или в презенсе и в императиве (*даю* и *давай*). Основа презенса может в разных формах подвергаться чередованиям (*берегу* — *бережет*, *люблю* — *любят*).

По соотношению основ выделяется несколько словоизменительных классов глаголов (разное количество в зависимости от дробности классификации, ср. варианты классификации

русских глаголов в [Зализняк 1977: 77–142; РГ 1980(1): §§1552–1574; Dressler, Gagarina 1999]). Мы перечислим несколько самых продуктивных, которые будут упоминаться в описании ниже (основа прош.вр. / основа наст.вр.):

- глаголы на *-a/-aj* (1 подкласс 1 класса в РГ 1980: *читал / читает*);
- глаголы на *-Ci/-C* (1 подкласс 10 класса в РГ 1980: *просил / просит*);
- глаголы на *-ova/-uj* (2 класс в РГ 1980: *рисовал / рисует*).

2.5. Материал исследования

Исследование проведено на материале нескольких полевых коллекций устных спонтанных текстов. Ульчские данные взяты из архива Л. И. Сем (1970-е гг. записи), текстов, собранных и опубликованных С. Кадзамой [Kazama 2002; 2008; 2010], текстов, собранных в 2005–2010 гг. Е. Ю. Калининой, В. Ю. Гусевым, Н. Р. Сумбатовой и С. Ю. Толдовой, и текстов, собранных нами в 2017–2019 гг. (тексты собраны в селах Булава, Богородское, Савинское и Монгол). Нанайские данные взяты из коллекции текстов, собранной нами в экспедициях 2011–2017 гг. в селах Синда (синдинский говор), Даерга, Найхин, Троицкое (найхинский говор), Ачан (ачанский говор), Джуен (джуенский говор), Кондон (горинский говор).

Выборка примеров содержит все русские глаголы, оформленные нанайскими / ульчскими аффиксами, которые были обнаружены в указанных коллекциях. В выборку не включены русские глаголы с русским словоизменением. В качестве особого случая, не вошедшего в основное рассмотрение, в выборку добавлены глаголы, образованные от русских имен, а также спорные случаи, когда не очевидно, образован ли глагол от глагола или имени. Всего в выборке 245 употреблений русских глаголов из ульчских текстов и 148 употреблений из нанайских текстов.

3. Русские глаголы в ульчском языке

3.1. Стратегия прямой вставки. Морфологический тип основы, процессы на стыке с основой

Основная стратегия адаптации русского глагола в ульчском языке — это стратегия прямой вставки, когда непосредственно к глаголу присоединяются ульчские словоизменительные показатели (49 русских основ, 187 употреблений).

3.1.1. Прямая вставка: вставка обобщенной vs абстрактной формы

Отдельный вопрос — к какой из форм русского глагола присоединяются ульчские аффиксы. Можно предположить, что мы имеем дело со «вставкой обобщенной формы» (general form по [Wohlgemuth 2009]), а именно формы императива ед. ч. Для большинства употреблений такая интерпретация, казалось бы, подходит: ср. *podnimaj-o-qso* [поднимать.R-IMP-IMP.PL] ‘поднимайте’ (императив *поднимай*), особенно если допустить возможность морфонологических процессов на границе с ульчскими показателями: ср. *otpuskaj-du-j* <?=otpuskaj-i-du-j> [отпускать.R-PRS-DAT-1SG] ‘когда я отпускаю’ (ожидается /j/ в русской форме императива и /i/~j/ показатель презенса); *priglašaj-a-xa-n* [приглашать.R-?EPENTH-PST-3SG] ‘он пригласил’ (эпентетический гласный). Однако для 8 употреблений из 187 эта интерпретация не подходит, даже если предположить морфонологические процессы на морфемной границе.

Например, в (7) ожидаемая форма императива — *popadaj*, ожидаемая ульчская форма прошедшего времени, соответственно, *popadajxan* или *popadajaxan*, а не *popadaxan*.

- ульчский
- (7) *žij žij pulja popada-xa-n čupal ti*
 прямо пуля.R попадать.R-PST-3SG весь так
 ‘Прямо-прямо пули попадали...’ (Калинина и др.: ок).

В (8) ожидаемая форма императива — *rabotaj*, ожидаемая форма одновременного деепричастия — *rabotajam*.

ульчский

(8) *lespromhoz-du rabotu-m*
леспромхоз. R-DAT **работать. R-CVB.SIM.SG**

‘Работая в леспромхозе...’ (Сем: mixailduvan).

Список всех встретившихся глаголов, для которых не подходит интерпретация о вставке русского императива, приведен в (9), все они встретились в форме прошедшего времени или одновременного деепричастия, как в (7) и (8), т. е. в форме с показателем на согласный (здесь и в списках глаголов ниже в скобках дано количество употреблений, если оно больше одного):

(9) *попадать, провожать* (2), *работать* (3), *советовать, привязывать*.

Поэтому ниже принимается альтернативное предположение — что происходит вставка абстрактной формы (abstract form), т. е. русской основы настоящего или прошедшего времени⁴. Посмотрим подробнее, какая из основ выбирается и какие процессы происходят на стыке основы с ульчскими аффиксами. Ниже мы разберем отдельно разные классы русских основ, встретившиеся в выборке (о типах основ см. выше *Раздел 2.4*):

- 1) глаголы на *-Ci/-C* (*просил / просит*): ведут себя по аналогии с ульчскими глаголами на *-i* (*Раздел 3.1.2*);
- 2) глаголы на *-a/-aj* (*читал / читает*): ведут себя особым образом (*Раздел 3.1.3*);
- 3) прочие классы глаголов: особенно интересны в контексте исследования, поскольку для некоторых из них более заметна разница между основой настоящего времени и прошедшего

---

⁴ Предположение о том, что иногда вставляется обобщенная форма, а иногда абстрактная, мы рассматривать не будем, как неоправданно более сложное (особенно учитывая, что обобщенная форма императива во многих случаях совпадает с одной из абстрактных форм — основой настоящего времени).

(например, *рисовал / рисует*), однако в выборке почти не представлены; по ним будут перечислены краткие наблюдения (Раздел 3.1.4). Отдельно мы будем говорить об образовании формы презенса (предполагающей в ульском языке процессы на стыке гласного основы и гласного аффикса), отдельно — об образовании форм с суффиксами на согласный (см. Раздел 2.2).

В целом можно сказать, что русская основа тем или иным образом выравнивается по аналогии с ульскими основами на краткий гласный (основной словоизменяемый класс), а именно с основами на чередующийся *-i*.

3.1.2. Глаголы на *-Ci/-C* (*просил / просит*)

Список встретившихся глаголов на *-Ci/-C* приведен в (10):

- (10) *готовить, дежурить, жарить* (2), *звонить* (16), *красить* (2), *окучить* (2), *оставить, отправить, охотить(ся)* (13), *портить(ся), рулить, рыбачить* (46), *солить, судить, чистить* (2), *шаманить* (3), *штукатурить* (2).

У глаголов этого класса есть прямая аналогия в ульском языке — продуктивный класс основ на *-i*. Они ведут себя так же, как ульские глаголы на чередующийся *-i*: в частности, конечный *-i* может подвергаться тем же чередованиям (11), что у исконных ульских глаголов, см. (5) выше:

ульчский

- (11) а. *rybaču-mi* [рыбачить.R-CV.V.SIM.SG] ‘рыбача’ — *i > u*
 б. *krasu-xa* [красить.R-PST] ‘красил’ — *i > u*

Поскольку у этих русских глаголов очень небольшая разница между основой настоящего времени и основой прошедшего времени, сложно однозначно атрибутировать тип основы, опираясь только на этот материал. Это теоретически может быть:

- основа прошедшего времени (*čisti-* ‘чистить’) с редукцией в форме презенса (как у ульчских глаголов);
- основа прошедшего времени перед показателем на согласный (*čisti-rə* ‘почистив’) и настоящего времени перед показателем на гласный, т. е. показателем настоящего времени (*čist-i-n* ‘чистит’), как в русском;
- основа настоящего времени с добавлением эпентетического гласного (*-i* или другого, в соответствии с правилами ульчских чередований) перед показателем на согласный.

Единственное, что можно однозначно сказать: для глаголов, у которых основа настоящего времени имеет вариант с чередованием в 1 л. ед. ч. (*чист-* ~ *чищ-*, *готов-* ~ *готовл-*), см. Раздел 2.4, этот вариант никогда не выбирается, ср.:

ульчский

- (12) *gotovi-s* [готовить.R.PRS-2PL] ‘готовите’ (не *gotovlis)

3.1.3. Глаголы на *-a/-aj* (*читал / читает*)

Список встретившихся глаголов на *-a/-aj* показан в (13):

- (13) *выступать* (2), *гадать*, *гонять*, *гулять*, *занимать*, *копать* (4), *нападать*, *начинать(ся)*, *отправлять* (4), *отпускать*, *переписывать*, *плавать* (2), *поднимать*, *поймать* (3), *помогать*, *попадать*, *привязывать* (2), *приглашать*, *принимать* (3), *проводить* (3), *работать* (7), *решать* (9), *собирать(ся)* (7), *сочинять*, *трескать(ся)*, *черпать*.

Этот класс глаголов удобен для анализа: в нем основа прошедшего времени более отчетливо отличается от основы настоящего времени.

При присоединении ульчского суффикса презенса образуются формы типа (14):

ульчский

- (14) *napadaji-du-n* [нападать.R.PRS-DAT-3SG] ‘когда он нападает’

Если это основа прошедшего времени на *-a* (*napada-*) + ульчский суффикс презенса *-i*, то по ульчским правилам ожидалось бы усечение конечного гласного основы: *napadiduni*, таких форм в выборке нет⁵. Если это основа настоящего времени на *-aj*, то тоже возникает противоречие с ульчской системой. Ульчский глагол на *-aj* относился бы к классу на долгий гласный / дифтонг и принимал бы показатель презенса *-ri*, а не *-i*, т. е. было бы *napadajriduni*: таких форм не встретилось. Т. е., если это основа настоящего времени, то сочетание *-aj* в нем интерпретируется не как дифтонг, а как (нехарактерное для ульчского) сочетание *-a* с *-j* или с *-i*, что в контексте форм, обсуждаемых далее, вполне возможно.

При присоединении ульчских суффиксов на согласный основу прошедшего времени легко отличить от основы настоящего времени. Чаще всего (30 употреблений) это основа настоящего времени — на *-aj* или *-ai* (а)-(с), причем конечный *-i* подвергается тем же чередованиям, что и конечный чередующийся *-i* ульчских основ (d):

ульчский

- (15) a. *sobiraj-rə* [собирать.R-CVB.NSIM] ‘соберя’
 b. *zanimaj-xa-ni* [занимать.R-PST-3SG] ‘занял’
 c. *kopai-ŋda-m* [копать.R-MPURP-CVB.SIM.SG] ‘идя копать’
 d. *čerpaju-m* [черпать.R-CVB.SIM.SG] ‘черпая’

Встретилось, однако, 8 употреблений, в которых использована основа прошедшего времени. Это следующие глаголы (16):

- (16) *попадать*, *привязывать*, *проводить* (2), *работать* (4).

Ср. примеры:

ульчский

- (17) a. *provoža-xa-ti* [проводить.R-PST-3PL] ‘проводжали’
 b. *rabota-m* [работать-CVB.SIM.SG] ‘работая’
 c. *rabota-ŋda-m* [работать-MPURP-CVB.SIM.SG] ‘идя работать’

⁵ Единственный похожий пример *raboti-i* [работать.R-PRS-1SG] из текстов С. Кадзамы [Kazama 2008], для которых нам доступна только расшифровка. В контексте показателя 1SG *-i* сложно определить, что перед нами — действительно форма *raboti-i* с усечением *-a* или форма *rabotai* со стяжением конечных *-i*.

Для глагола *привязывать* встретился и вариант с основой прошедшего времени, и вариант с основой настоящего:

ульчский

- (18) а. *privjazuvaj-žu-bd-i* [привязывать.R-REP-PURP-REFL.SG] ‘чтобы привязать’ — основа наст. вр.
 б. *privjazuva-xa-ti* [привязывать.R-PST-3PL] ‘привязали’ — основа прош. вр.

3.1.4. Прочие глаголы

Другие классы русских основ представлены единичными глаголами (19):

- (19) а. *арестовать*, *рисовать* (3), *советовать*, *танцевать*
 б. *сдавать* (10)
 с. *пахать* (9), *мазать* (3), *показать*
 д. *утонуть*

Встретилось несколько глаголов на *-ova/-uj*, для которых основа настоящего времени максимально отлична от основы прошедшего времени (а). Основы на *-uj* не встретилось ни разу: встретились формы на *-ovaj* и *-ova* (20).

ульчский

- (20) а. *arestovaj-xa-t* [арестовать.R-PST-3PL] ‘арестовали’
 б. *sovetova-mi* [советовать-CVB.SIM.SG] ‘советуясь’

Видимо, основы на *-ova/-uj* просто примыкают к более продуктивному классу на *-a/-aj* в местной разновидности русского языка (*арестовал* — *арестовает* вместо *арестовал* — *арестует*).

В выборке встретился глагол *сдавать* (б), интересный тем, что у него не единая основа настоящего времени, а две основы — *sdavaj-*, которая используется в форме императива и деепричастия, и *sdaj-*, которая используется в формах настоящего времени индикатива и причастия. Во всех случаях, когда с очевидностью использована основа на *-j* (5 употр.), это *sdavaj-*, а не *sdaj-* (21). Впрочем, возможно, что

и тут имеет место выравнивание в самой русской парадигме (*сдавает*, а не *сдает*).

ульчский

- (21) *sdavai-ŋda-m* [сдавать.R-IMPURP-CVB.SIM.SG] ‘идя сдавать (экзамен)’

Три глагола в выборке (с) — глаголы на *-Ca/-C* с чередованием согласного (*показать* — *покажет*). Один из них (*пахать*) ведет себя как глагол на *-a/-aj*:

ульчский

- (22) *paخaja-xam* [пахать.R-PST.1SG] ‘я пахал’

Два других обнаруживают разное поведение. Для глагола *показать* зафиксирована форма имперсонала (на *-wi*) с согласным *ž*, как в основе настоящего времени (23а), для глагола *мазать* — формы настоящего времени с согласным *z*, как в основе прошедшего времени:

ульчский

- (23) а. *poкаžu-wi* [показать.R-IMPS] ‘показать?’
 б. *māz-i bi-či-ti* [мазать.R-PRS БЫТЬ-PST-3PL] ‘мазали’

Следует, однако, отметить, что русская речь носителя (информант ок), от которого получен пример (23б), имеет заметные фонетические отличия от литературного русского, поэтому тут возможно и просто произнесение [z] вместо ожидаемого [ž] (см. о таком произнесении русского [ž] в речи ульчей старшего поколения [Stoynova 2019: 13]).

Наконец, в выборке представлен один глагол на *-Cu /-C* — *утонуть*. Он использован в форме прошедшего времени с конечным *-i* (не *-u*, как можно было бы ожидать, если бы это был гласный основы прошедшего времени):

ульчский

- (24) *itoni-xa-ni* [утонуть.R-PST-3SG] ‘утонул’

3.1.5. Прямая вставка глаголов разных словоизменительных классов: обобщение

В *Таблице 1* дана сводная информация по адаптации русских глаголов всех встретившихся словоизменительных классов.

Таблица 1. Ульчские данные: адаптация русских основ разных словоизменительных классов

Table 1. Ulcha data: accommodation of Russian stems of different inflectional classes

	PRS	формы с показателями на согласный	примечания
-Ci/-C	-C(i)	-Ci	не основа 1SG, конечный <i>i</i> — чередующийся
-a/-aj	-a(i)	-aj/-ai, редко -a	PRS: -aj не ведет себя как основа на дифтонг
-ova/-uj	-ova(i)	-ovaj, -a	
сдавать	sdava(i)	sdavaj, sdava	
-Ca/-C	-CpCT(i) — ???	-CPRS-i — ?	
-Cu/-C	—	-C-i	

Максимально единообразно и непротиворечиво эти данные можно описать следующим образом. Для адаптации глаголов берется русская основа настоящего времени (не в форме 1SG). К ней присоединяется эпентетический *-i*. Получившаяся основа ведет себя по тем же правилам, что и ульчские основы на чередующийся *-i*.

Особым образом ведут себя глаголы на *-a/-aj*. Добавления конечного *-i* они не требуют: конечный *-j* основы реализуется как [j] или [i] по ульчским фонологическим правилам (при этом конечное *-aj* не реинтерпретируется как ульчский дифтонг [ai]). В редких случаях перед показателем на согласный конечного *-j/-i* может не быть, т. е. используется основа, формально тождественная основе прошедшего времени.

Если это так, то в целом ульчская стратегия адаптации такова, чтобы максимально унифицировать русские основы, во-первых, и сделать их максимально похожими на ульчские, во-вторых. В качестве ульчского прототипа выбирается основа на краткий гласный (самый частотный и продуктивный класс), а именно на чередующийся гласный (вставка именно такого, редуцированного, гласного в качестве эпентетического между исходной русской основой и ульчским суффиксом на согласный, тоже кажется естественной). Предсказуемо, что небольшие отступления наблюдаются для основ на *-aj*, т. е. в ульчской системе, для которой *-j* скорее полугласный, на два гласных подряд.

При этом, как видно из описания выше, это не единственная возможная трактовка выбора основы. Главное, что можно сказать: русская основа выбирается не вполне тривиальным образом и не всегда последовательно и претерпевает морфонологические изменения.

3.2. Перфективная vs имперфективная основа глагола

В выборке встретились как имперфективные (*решать*), так и перфективные (*поймать*) глаголы. Корреляции с аспектуальной семантикой, свойственной глаголу в русском языке, не наблюдается. Так, пример (25) иллюстрирует употребление глагола *портиться* с основой НСВ в перфективном (результативном) контексте. В (26), наоборот, глагол СВ *окучить* употреблен в имперфективном (хабитуальном) контексте.

ульчский
 (25) *ʒə-m*   *čək čək_čək*   *ujs-i-n*,
 есть-CVB.SIM.SG   ИДЕОПН   шуметь-PRS-3SG

porti-xa-n=də
 портиться.R-PST-3SG=EMPH

‘Когда ем, такой звук «чек, чек, чек» — испортился!’ (Сем: *angin*).

(26) *ti-wa okiču-j-i*
TOT-ACC окучить.R-PRS-1SG

‘{Когда немного подрастет} ее окучиваю’ (Оскольская, Стойнова: oab).

Чаще выбирается глагол НСВ. На выбор вида может дополнительно влиять два фактора: акциональная семантика глагола и морфологический тип основы. Распределение глаголов по виду с учетом этих двух факторов вкратце показано в *Таблице 2*⁶, см. полные списки глаголов в [Oskolskaya, Stoynova 2024b].

Из *Таблицы 2* следует, что если ситуация принадлежит к классу достижения (achievement, т. е. без длительной процессной фазы, как ‘оставлять’), то это повышает вероятность выбора глагола СВ (‘оставить’). При этом встретились и глаголы достижения (achievement) НСВ (*взрываться*), и глаголы СВ других акциональных классов (*окучить*).

Также из *Таблицы 2* видно, что глагол СВ с большей вероятностью будет выбран, если он морфологически проще своего видового коррелята НСВ (*показать*, а не *показывать*). Встретился всего 1 глагол СВ, который сложнее коррелята НСВ, — *утонуть*. Значительная часть глаголов, для которых выбрана основа НСВ, в свою очередь также морфологически проще своего видового коррелята СВ (*рисовать*, а не *нарисовать*). Отдельно в таблице показана группа видовых пар, в которых глагол НСВ оформлен имперфективом *-a*: в них глагол НСВ обычно считается производным от глагола СВ, однако на поверхностном уровне морфологическую сложность глаголов СВ и НСВ можно считать одинаковой (к этой же группе условно отнесены бесприставочные глаголы типа *решить* — *решать* и типа *клюнуть* — *клевать*). Эта группа оказывается промежуточной по доле выбранных глаголов СВ, и именно в ней встретилась вариативность в рамках одной видовой пары (*отправить* и *отправлять*). В целом в этом случае все же гораздо чаще выбирается глагол НСВ:

---

⁶ Глаголы с прямой вставкой и немногочисленные глаголы с непрямой вставкой (см. о них *Разделы 3.3, 3.4*) посчитаны вместе.

Таблица 2. Ульяновские данные: вид русской основы
 Table 2. Ulycha data: perfective vs. imperfective Russian stems

	НСВ				СВ			
	основ	употр.	примеры глаголов	основ	употр.	примеры глаголов	% СВ (основ)	% СВ (употр.)
семантика	21	144	<i>рыбачить</i>	1	1	<i>показывать</i>	4,55%	0,69%
	21	61	<i>сдавать</i> <экзамен>	1	2	<i>окучивать</i>	4,55%	3,17%
	13	18	<i>отправлять</i>	5	8	<i>поймать</i>	27,78% (sign, p=0,0182)	30,77% (sign, p<0,0001)
сложность основы	33	168	<i>рыбачить</i>	1	2	<i>утонуть</i>	2,94%	1,18%
	19	42	<i>решать</i>	2	2	<i>оставить</i>	9,52%	4,55%
Всего	3	13	<i>сдавать</i>	4	7	<i>поймать</i>	57,14% (sign, p= 0,0019)	35,00% (sign, p<0,0001)
	55	223		7	11		11,29%	4,70%

возможно, это дополнительно связано с его большей морфологической регулярностью (преимущественно тип на *a-aj*). Глаголов НСВ с вторичным имперфективом *-ыва* или *-ва*, которые морфологически заметно сложнее коррелята СВ, в выборке всего три: *переписывать*, *привязывать* и *сдавать*. Про *сдавать* можно предположить, что основа СВ *сда-* блокируется в т. ч. потому, что она слишком короткая и трудно опознаваемая.

Нужно отметить, что видимый перевес глаголов НСВ возникает в т. ч. потому, что в выборке достаточно много глаголов НСВ с семантикой неопределённого процесса, для которых нет очевидного коррелята СВ (типа *бороться*, *гулять* — всего 17 основ и 125 употреблений).

Семантический (акциональный класс) и морфологический (сложность основы) факторы логически не независимы: действительно ли они оба вносят отдельный вклад при выборе вида, следовало бы проверить на большем количестве данных.

3.3. Возвратные глаголы

Возвратные глаголы (глаголы на *-ся*) ведут себя особым образом. Некоторые из них следуют, как обычные глаголы, стратегии прямой вставки (27). При этом постфикс *-ся* просто усекается, никакое ульчское средство, которое бы функционально ему соответствовало, к глаголу не прибавляется.

- ульчский
 (27) *telo-ji ələ kaltaʒu-mi*
 тело.R-1SG вот.вот раскалываться-CVB.SIM.SG
treska-i=māči o-či-ni bi-či-ni
 трескать(ся).R-PRS=как становиться-PST-3SG быть-PST-3SG

‘Мое тело стало такое, что вот-вот треснет!’ (Kazama 2008: текст 10) — глагол *трескаться*.

Другие глаголы следуют стратегии не прямой вставки: к форме инфинитива (включающей постфикс *-ся*) прибавляется вербализатор *-la* (тот же, что в нанайском), далее следуют ульчские аффиксы (28).

ульчский

(28) *bī ańan-ańan ti molit'sja-l-i-pu*

мы год-год так молиться.R-VBLZ-PRS-1PL

‘Мы каждый год так молимся’ (Калинина и др.: ок) — глагол *молиться*.

Количественное распределение и списки глаголов, использующих стратегию прямой вставки vs стратегию непрямой вставки, даны в *Таблице 3*. Для одного глагола (*охотиться*) в выборке встретились обе стратегии.

Таблица 3. Ульчские данные: возвратные глаголы (на *-ся*)Table 3. Ulcha data: reflexive verbs (with *-s'a*)

	основ	употр.	список глаголов (кол-во употр.)
непрямая вставка (INF+ <i>-la</i>)	10	36	<i>бороться, взрываться, жаловаться, клеветаться, креститься, материться (2), молиться (25), охотиться, париться, собираться</i>
прямая вставка (без <i>-ся</i>)	5	17	<i>начинаться (?), охотиться (13), портиться, советоваться, трескаться</i>
Всего	15	53	

Из таблицы видно, что прямая вставка встречается заметно реже, причем 13 из 17 употреблений приходится на глагол *охотиться*.

Еще одна проблема, актуальная для всех возвратных глаголов с прямой вставкой, состоит в том, что не до конца понятно, осознаются ли они носителем как возвратные. В русской речи носителей ульчского языка старшего поколения встречается отсутствие ожидаемого возвратного постфикса (см. [Stoynova 2019: 17]), ср. (29):

(29) *Видимо, как-то она снасла* = ‘спаслась’ (Оскольская, Стойнова, коллекция русской речи ульчей: lpd).

3.4. Отступления от основной стратегии

В некоторых случаях вместо прямой вставки русской основы происходит непрямая, с вербализатором *-la*, как в нанайском языке (см. *Раздел 4*). В основном своем употреблении суффикс *-la* образует глагол от имени, и это главный способ вербализации имен. В частности, в текстах встречаются и глаголы, образованные с помощью *-la* от русских существительных, ср. пример (30). Список таких глаголов приведен в (31). Среди них есть такие, для которых в русском языке есть глагольный коррелят (ср. *mitingala-* и *митинговать*), и такие, для которых нет (ср. *svad'bala-*).

ульчский

- (30) *əj isali operacija-la-xa tēs gnoitsja*
 этот глаз операция.R-VBLZ-PST очень гноиться.PRS.3SG.REFL.R
 ‘Эти прооперированные глаза очень гноятся’ (Калинина и др.: ok).

- (31) *cementala-* ‘цементировать’, *komandala-* ‘командовать’ (2), *mitingala-* ‘митинговать’, *operacijala-* ‘оперировать’, *počtala-* ‘возить почту’ (2), *repeticijalə-* ‘репетировать’, *šof'orla-* ‘шоферить’, *svad'bala-* (2) ‘справлять свадьбу’.

Основной случай использования не прямой вставки с вербализатором *-la* для адаптации русского глагола был описан выше — так могут адаптироваться возвратные глаголы (см. *Раздел 3.3*). В случае возвратного глагола *-la* присоединяется к форме инфинитива.

Очень редко вербализатором *-la* оформляются и невозвратные глаголы (32), все встретившиеся употребления перечислены в *Таблице 4*. Как показывает (32), в отличие от возвратных глаголов, невозвратные присоединяют *-la* к основе, а не к форме инфинитива.

ульчский

- (32) *mun am-bi=la ən-bi=lə=gdəli klub-du*
 наш отец-1SG=PTCL мать-1SG=PTCL=PTCL клуб.R-DAT

*pilisə-l-i*⁷

плясать.R-VBLZ-PRS

‘А наши родители в клубе танцуют’ (Оскольская, Стойнова: lpd).

Таблица 4. Ульчские данные: употребления невозвратных глаголов с непрямой вставкой

Table 4. Ulcha data: the use of non-reflexive verbs with indirect insertion

	непрямая вставка (-IA)	прямая вставка
<i>плясать</i>	9	0
<i>рыбачить</i>	1	46
<i>штукатурить</i>	1	2
Всего	11	48

С непрямой вставкой встретилось всего три глагола, и только для *плясать* это единственная или основная стратегия адаптации. Заметим, что *плясать* — старое устойчивое фонетически адаптированное заимствование (*pilisələ-*, а не *pl'asala-*, других глаголов с настолько очевидной фонетической адаптацией в выборке не встретилось); от старого заимствования можно ожидать особого поведения.

В *Таблице 5* приведены обобщающие данные по количеству основ и употреблений с прямой и непрямой вставкой во всей выборке.

Таким образом, стратегия непрямой вставки ограничена в ульчском языке возвратными глаголами, она же закономерно используется для образования глаголов от русских существительных (как и от ульчских), использование же стратегии непрямой вставки для

⁷ Лично-числовой показатель в этом примере и во многих других опущен. Это не связано с тем, что перед нами заимствованный глагол. Факультативное опущение лично-числовых показателей в финитных формах глагола в целом распространено и в ульчском, и в нанайском языке.

адаптации невозвратных глаголов можно характеризовать как исключение.

Таблица 5. Ульчские данные: употребления с прямой vs непрямой вставкой

Table 5. Ulcha data: the uses with direct vs. indirect insertion

	основ	употреблений	% основ	% употреблений
прямая вставка	49	187	70,00 %	76,33 %
непрямая вставка — возвратные: V-INF- <i>sja</i> + <i>lA</i>	10	36	14,29 %	14,69 %
непрямая вставка — прочие: V+ <i>lA</i>	3	11	4,29 %	4,49 %
непрямая вставка — отыменные: N+ <i>lA</i>	8	11	11,43 %	4,49 %
Всего	70	245	100,00 %	100,00 %

4. Русские глаголы в нанайском языке

4.1. Стратегия непрямой вставки: вербализатор *-lA*

Основная стратегия адаптации русских глаголов в нанайском языке — стратегия непрямой вставки: к основе русского глагола присоединяется нанайский вербализатор *-lA* (или, реже, вербализатор *-č'i*), за которым следуют нанайские глагольные морфологические показатели (57 русских основ, 105 употреблений).

Данная стратегия предполагает меньшее разнообразие морфологических процессов, чем стратегия прямой вставки, используемая в ульчском. Нанайский вербализатор во всех случаях присоединяется к основе прошедшего времени русского глагола. Это может быть связано как с высокой частотностью глагольных форм с основой прошедшего времени в русской речи, так и, главным образом, с тем, что основа прошедшего времени преимущественно заканчивается

на гласный. В наших материалах зафиксированы примеры на разные типы основ русских глаголов:

- 1) основа на *-Ci/-C*: *kruti-lə-j* [крутить.R-VBLZ-PRS] {кино} ‘крутили’;
- 2) основа на *-Ca/-C*: *maza-lə-j* [мазать.R-VBLZ-PRS] ‘мазали’;
- 3) основа на *-a/-aj*: *meša-la-j* [мешать.R-VBLZ-PRS] ‘мешали’;
- 4) основа на *-Vva/-uj*: *korčeva-la-xa-ni* [корчевать.R-VBLZ-PST-3SG] ‘корчевала’.

К сожалению, в наших данных отсутствуют примеры заимствования русских глаголов с основой на *-C/-C* (ср. глаголы *печь*, *нести*). Нельзя однозначно утверждать, каким образом происходила бы адаптация таких глаголов, учитывая, что нанайскому языку не свойственны сочетания согласных типа *kl*, *sl*, *čl*. Можно предположить, что в этих случаях к основе прошедшего времени добавляется эпентетический гласный по аналогии с образованием глаголов от русских имен, см. *Раздел 4.4*.

4.2. Перфективная vs имперфективная основа глагола

В нанайских данных, как и в ульчских, встречаются как перфективные, так и имперфективные основы русских глаголов. Имперфективные основы преобладают: 90 употреблений против 15 употреблений перфективных основ. Чаще всего вид основы соответствует аспектуальной семантике глагола в нанайском предложении. Однако иногда бывают исключения: в нашей выборке в 20 примерах использована основа другого вида, нежели ожидалось по контексту. Среди этих примеров в двух случаях использовалась перфективная основа вместо ожидаемой имперфективной:

- НАНАЙСКИЙ
- (33) *tuberkul'oz* ***prosty-la-j*** *bi-či-n'=goa*
 туберкулез.R **простыть.R-VBLZ-PRS** быть-PST-3SG=PTCL
 {Чем они болели?} ‘Туберкулезом, они простужались’ (Оскольская, Стойнова: anvs).

В остальных случаях была использована имперфективная основа вместо перфективной:

- НАНАЙСКИЙ
 (34) *tujtamia motorka-j nəwu-j*
 потом моторка.R-REFL.SG младший.брат-1SG

zavodi-la-xa
 заводить.R-VBLZ-PST

‘Потом мой младший брат завел моторку’ (Оскольская, Стойнова: jgd).

Как и в ульчском языке, в нанайском выбор вида основы коррелирует с акциональными характеристиками ситуации и с морфологической и фонологической простотой основы (подробнее эти параметры описаны выше, в *Разделе 3.2*), см. *Таблицу 6*, полные списки глаголов см. в [Oskolskaya, Stoynova 2024a].

Данные *Таблицы 6* показывают, что основы совершенного вида с большей вероятностью заимствуются в случае глаголов достижения (achievement) или свершения (accomplishment). Также основы совершенного вида не используются, если соответствующая основа несовершенного вида проще в морфологическом или фонологическом отношении. Помимо этого, можно допустить, что на выбор вида основы влияет также ее морфологический тип: если основа совершенного вида прошедшего времени заканчивается на согласный (ср. *лег-, отнес-ся*), то предпочтительной оказывается основа несовершенного вида (*лежа-, относи-*), поскольку ее легче встроить в словообразовательную модель. Однако таких примеров слишком мало, чтобы однозначно утверждать это.

4.3. Возвратные глаголы

В наших данных зафиксировано 8 возвратных глаголов, заимствованных из русского языка. Во всех случаях адаптация происходит по основной стратегии непрямой вставки: к основе прошедшего

Таблица 6. Нанайские данные: вид русской основы
 Table 6. Nanai data: aspect of Russian stems

	НСВ			СВ				
	основ	унотр.	примеры глаголов	основ	унотр.	примеры глаголов	% СВ (основ)	% СВ (унотр.)
семантика	1	2	<i>лежать</i>	0	0	0	0%	0%
	13	23	<i>рыбачить</i>	0	0	0	0%	0%
	32	61	<i>готовить</i>	4	6	<i>раскулачить</i>	11,11%	8,96%
	4	7	<i>тыкать</i>	3	3	<i>остановиться</i>	42,86%	30%
сложность основы	26	57	<i>таскать</i>	0	0	—	0%	0%
	12	17	<i>оживлять</i>	3	3	<i>возместить</i>	20%	15%
	13	18	<i>собирать</i>	4	6	<i>раскулачить</i>	23,53%	25,00%
Всего	51	92		7	9		12,07%	8,91%

времени присоединяется вербализатор, за которым следуют нанайские грамматические показатели. При этой стратегии рефлексивный суффикс опускается:

- НАНАЙСКИЙ
- (35) *xəm sobira-la-go-j ča-du=tani*
 все собирать.R-VBLZ-PURP-REFL.SG это-DAT=PTCL
 {Старики собирались в клубе}. ‘Все там собирались’ (Оскольская, Стойнова: pnv).

4.4. Отступления от основной стратегии

В нанайском языке также наблюдаются другие, менее частотные стратегии адаптации русских глаголов. Примечательно, что среди них нет стратегии прямой вставки — основной стратегии в ульчском языке.

Одна из стратегий отличается от основной только вербализатором. К основе глагола присоединяется не суффикс *-la*, а суффикс *-č'i*:

- НАНАЙСКИЙ
- (36) *əži-ži gəsə setkə prover'a-č'i*
 муж-INS вместе сеть.R проверять.R-IPFV.PRS
 ‘Мы с мужем проверяли сети’ (Оскольская, Стойнова: gak).

В нанайском языке этот суффикс имеет имперфективное значение (ср., *selko-* ‘вымывать’ — *selko-č'i-* ‘мыть’). Он же может употребляться как вербализатор, образуя глаголы от нанайских имен, имперфективное значение сохраняется и в этом случае (ср. *žəuntuku* ‘левша’ — *žəuntuku-la-* ‘ударить левой рукой’ — *žəuntuku-č'i-* ‘бить левой рукой’). Все русские глаголы, зафиксированные с *-č'i*, также употреблены в имперфективном контексте.

Помимо русских глаголов, нанайский язык может аналогичным образом адаптировать русские имена существительные для образования новых глаголов:

НАНАЙСКИЙ

(37) *čaj-la-j-čĭ*

чай.R-VBLZ-PRS-3PL

‘Они пили чай’ (Оскольская, Стойнова: vmk).

Всего обнаружено 39 примеров употребления таких глаголов, образованных от 15 русских имен существительных. Среди них есть имена, у которых нет однокоренных им глаголов (например, *karma-la-xa* [карман-VBLZ-PST] ‘клат в карман’). Однако наибольшее количество употреблений приходится на глаголы, образованные от имен, у которых есть однокоренные глаголы: *охота* vs *охотиться*, *рыбак*, *рыбалка* vs *рыбачить*. Вероятно, выбор имени или глагола в качестве источника заимствования связан с контекстом: там, где по-русски ожидается употребление глагола, используется нанайский глагол, образованный от русского глагола, пример (39); в тех случаях, когда по-русски употребляется конструкция с именем, в нанайской речи используется глагол, образованный от русского имени, пример (38):

НАНАЙСКИЙ

(38) *goj gurun-səl ənə-j... dujsi...*

другой люди-PL идти-PRS лес.DIR

oxota-la-nda-mari

охота.R-VBLZ-MPURP-CVB.SIM.PL

‘Другие люди идут в лес **на охоту**’ (Оскольская, Стойнова: gchk).(39) *gə oxoti-lə-j, oxoti-lə-j...*

вот охотиться.R-VBLZ-PRS охотиться.R-VBLZ-PRS

‘Он **охотился-охотился**’ {и вернулся домой} (Оскольская, Стойнова: gchk).

Морфологически глаголы от имен образуются так же, как и от глаголов: к основе присоединяется вербализатор *-la* или — реже — *-čĭ*. Если основа заканчивается на согласный, то перед вербализатором появляется эпентетический гласный, как в примере (38) *oxota-la-nda-mari*. Эпентетический гласный подчиняется законам гармонии гласных, ср. *trubkə-lə-mər* [трубка.R-VBLZ-CVB.SIM.PL] ‘куря трубку’.

5. Обсуждение данных

5.1. Нанайский vs ульчский язык: различия в адаптации русских глаголов

Сопоставительные данные по нанайскому и ульчскому языкам кратко суммируются в *Таблице 7*.

Таблица 7. Адаптация русских глаголов в нанайском и ульчском языках: сопоставление

Table 7. Accommodation of Russian verbs in Nanai and Ulcha: comparison

	ульчский	нанайский
прямая вставка	основная стратегия	не засвидетельствована
непрямая вставка	маргинально используется в особых контекстах	основная стратегия
русский глагол: вид	оба вида: НСВ чаще, чем СВ	
русский глагол: тип основы	настоящего времени + чередующийся <i>i</i> (возможны альтернативные интерпретации); для глаголов на <i>-a/-aj</i> в некоторых контекстах основа на <i>-a</i>	прошедшего времени (на гласный)
возвратные глаголы (на -ся)	непрямая вставка формы инфинитива: V-INF- <i>sja</i> -VBLZ- (маргинально также прямая вставка: V- <i>sja</i> -)	непрямая вставка основы, <i>-ся</i> опускается: V-VBLZ

Нанайский и ульчский языки используют разные основные стратегии адаптации русских глаголов: нанайский — непрямую вставку — с помощью вербализатора *-la*, а ульчский — прямую. В обоих языках

русский вид основы может быть несовершенным (чаще) или совершенным (реже) и с собственно аспектуальным контекстом употребления это не коррелирует. В обоих языках для вставки выбирается абстрактная форма, т. е. основа настоящего или прошедшего времени русского глагола, хотя для ульчского языка возможна трактовка, при которой в большинстве контекстов вставляется форма императива (обобщенная форма). В нанайском языке это основа прошедшего времени (основа на гласный), в ульчском языке правила выбора и адаптации основы более сложные: для большинства случаев можно считать, что выбирается основа настоящего времени не 1SG с наращением чередующегося гласного. И в нанайском языке, и в ульчском особым образом ведут себя возвратные глаголы. В нанайском языке усекается *-ся* и используется обычная для нанайского стратегия непрямой вставки. В ульчском языке тоже чаще всего используется стратегия непрямой вставки (для ульчского нехарактерная), но вербализатор присоединяется к форме инфинитива, постфикс *-ся* сохраняется.

Таким образом, различий в стратегиях адаптации русских глаголов между в целом очень близкими нанайским и ульчским языками действительно оказывается неожиданно много.

5.2. Возможные причины различий между нанайской и ульчской стратегиями

Ниже мы изложим несколько предположений о причинах различий в стратегиях адаптации русских глаголов.

Первое возможное предположение: причина различий в том, что нанайский и ульчский языки используют разные стратегии вербализации. Если в нанайском языке глаголы образуются от имен с помощью специального суффикса, а в ульчском — безаффиксальным способом (т. е. глагольные словоизменительные показатели присоединяются непосредственно к именной основе), то такое же различие в оформлении русских глаголов выглядит вполне естественно. Это, однако, не так. Вербализатор *-IA* используется как основное средство образования глаголов от имен и в нанайском языке (40a), и в ульчском (40b):

НАНАЙСКИЙ

(40) a. *geda* ‘копье’ ~ *geda-la-* ‘протыкать копьем’

УЛЬЧСКИЙ

b. *gida* ‘копье’ ~ *gida-la-* ‘протыкать копьем’

В ульчском языке действительно встречаются безаффиксальные пары «имя — глагол» (41b), но редко, и точно так же маргинально они представлены и в нанайском (41a).

НАНАЙСКИЙ

(41) a. *geol* ‘весло’ — *geoli-* ‘грести’

УЛЬЧСКИЙ

b. *giuli* ‘весло’ — *giuli-* ‘грести’

Другое предположение: использование стратегии прямой vs не-прямой вставки — это ареальная черта, характеризующая не только нанайский и ульчский, а более широко — целый ряд географически смежных тунгусо-маньчжурских идиомов. Подробное исследование выходит за рамки настоящей статьи, однако по предварительным наблюдениям, которые отражены на *Рисунке 1*, эта гипотеза кажется правдоподобной. Стратегия не-прямой вставки представлена только в нанайском языке. Стратегия прямой вставки используется, помимо ульчского языка, в географически близких к нему негидальском, эвенкийском⁸ (северно-тунгусские) и орокском (южно-тунгусские). Ср. пример (42) из негидальского:

НЕГИДАЛЬСКИЙ

(42) *albəs-sin-təa-n*   *omoročka*   *dostavaj-da-j*
плавать-ТАМ1-РСТ-3SG   оморочка.R   доставать.R-VS.PURP-REFL.SG

‘Он поплыл, чтобы достать свою оморочку’ (корпус текстов [Pakendorf, Aralova 2017]).

⁸ По крайней мере, об этом свидетельствуют данные корпусов эвенкийского языка [Казакевич и др.] и [Däbritz, Gusev 2021], в которых, впрочем, мало текстов на восточных диалектах, ареально наиболее близких к ульчскому и орокскому.

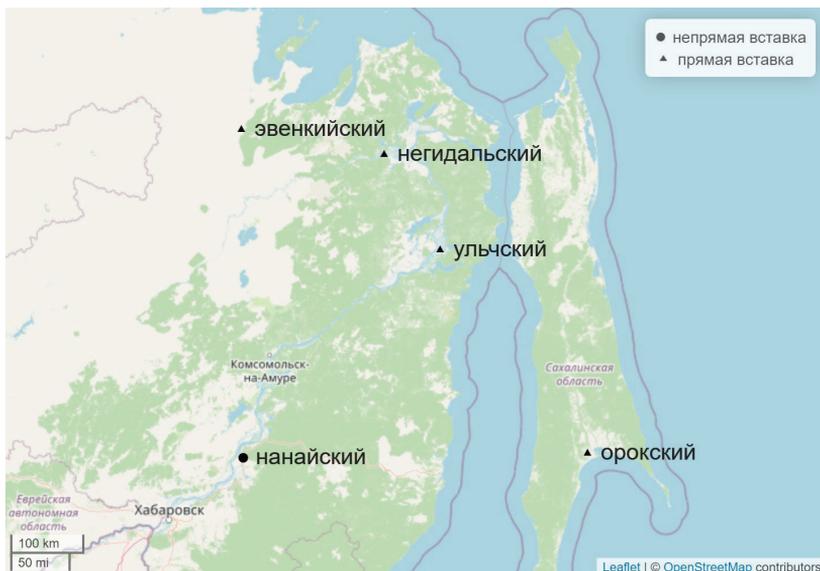

Рис. 1. Стратегия прямой vs непрямой вставки в нанайском и ульчском и в географически смежных тунгусо-маньчжурских идиомах

Fig. 1. Strategy of direct vs indirect insertion in Nanai, Ulcha and in geographically adjacent Tungusic lects

Вопрос о том, как именно возникает наблюдаемое ареальное распределение, выходит за рамки настоящей статьи и требует дальнейшего исследования. Можно, например, предположить, что стратегия прямой вставки развивается в ульчском и орокском языках под влиянием северных тунгусо-маньчжурских языков, однако имеющихся данных недостаточно для уверенных утверждений такого рода. Про орокский действительно известно, что он подвергался влиянию северно-тунгусских языков и что некоторые черты его грамматики (например, система отрицания) близки к северным. Про ульчский это менее очевидно: есть сведения о контактах ульчей с эвенками и негидальцами, в т. ч. о смешанных браках, однако не о влиянии северно-тунгусских языков на языковую систему. Примечательно также, что стратегии прямой вставки не обнаруживается в горинском говоре

нанайского языка (данные которого в т. ч. вошли в нашу выборку). Это говор этнической группы самагиров, носителей северно-тунгусского языка, перешедших на нанайский, и в нем естественно было бы ожидать северного влияния.

Наконец, последнее предположение: разница в стратегиях адаптации русских глаголов может быть связана с разницей в морфологии ульчского и нанайского языков. Как упоминалось выше (Разделы 2.2, 2.3), в нанайском языке очень отчетливые морфемные границы. Это может блокировать прямую вставку русских глагольных основ (которые не вполне похожи на нанайские). Вставка вербализатора (который, не вызывая морфонологических проблем, может быть присоединен к любой основе на гласный, в т. ч. к русской основе прошедшего времени) позволяет избежать нехарактерных для нанайской системы стечений фонем. В ульчском языке морфемные границы значительно менее отчетливые, больше чередований и других процессов на стыках морфем. В такой ситуации, видимо, проще подвергнуть тем или иным процессам и русскую основу, если она не встраивается удачным образом в ульчскую парадигму, т. е. стратегия прямой вставки оказывается доступнее, чем в нанайском языке.

Интересно, что похожую разницу в стратегиях адаптации можно наблюдать в именной системе. Русское существительное на согласный, заимствуясь в нанайский язык, в обязательном порядке получает конечный эпентетический гласный (43a). В ульчском языке возможна «прямая вставка» существительного, несмотря на образование нехарактерных для ульчской системы консонантных кластеров на стыке морфем (43b) и сложностей с выбором падежных алломорфов, см. более подробное описание и объяснение, апеллирующее, как и приведенное выше, к разнице в организации ульчской и нанайской морфонологии в [Стойнова 2020].

НАНАЙСКИЙ

(43) а. *klasa-du* [класс.R-ДАТ] ‘в классе’

УЛЬЧСКИЙ

б. *klas-du* [класс.R-ДАТ] ‘в классе’

6. Заключение

В этой статье мы рассмотрели вариативность в стратегиях морфологической адаптации глагола на примере близкородственных нанайского и ульчского языков. Оба языка содержат большое количество русских глагольных заимствований, но адаптируют их по-разному. В нанайском языке в качестве основной стратегии используется непрямая вставка русской основы с помощью вербализатора. В ульчском — прямая вставка. Сама русская основа, интегрируемая в глагольную парадигму, — разная для нанайского и ульчского. Есть и другие различия: например, по-разному ведут себя возвратные глаголы.

Морфологическая адаптация заимствованных глаголов достаточно хорошо исследована. В частности, есть работы, направленные на поиск межъязыковых закономерностей в этой области, выявление характерных типов / стратегий адаптации. Они неизбежно игнорируют небольшие различия, наблюдаемые между близкими языками, или вариативность в адаптации глагола в рамках одного языка. Эти различия могут регулироваться не столько некими универсально-типологическими тенденциями, сколько целым рядом очень частных факторов. Выявление и самих различий, и регулирующих их факторов оказывается не менее интересной задачей.

В случае нанайского и ульчского релевантными кажутся два фактора. Первый — ареальный: конкретная стратегия адаптации глагола, видимо, заимствуется из одного тунгусо-маньчжурского языка в другой. Второй фактор — морфонологический: различия в адаптации глаголов хорошо согласуются с различиями в том, насколько отчетливы в языке морфемные границы и насколько для него характерны те или иные морфонологические процессы на стыке основы и аффикса.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; CVB — деепричастие; DAT — датель; DIR — директив; EMPH — эмфаза; EPENTH — эпентетический гласный;

IDEOPH — идеофон; IMP — императив; IMPRS — имперсоналис; INF — инфинитив; INS — инструменталис; IPFV — имперфектив; MPURP — движение с целью; NSIM — одновременность; PL — множественное число; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCL — частица; PURP — целевое деепричастие; REFL — рефлексив; REP — рефактив; SG — единственное число; SIM — одновременность; TAM1 — видо-временной показатель; VBLZ — вербализатор.

Литература

- Аврорин 1961 — В. А. Аврорин. Грамматика нанайского языка. Т. II. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1961.
- Баранова 2020 — В. В. Баранова. Адаптация глагольных заимствований в монгольских языках // Урало-алтайские исследования. 2020. № 3 (38). С. 7–18. DOI: 10.37892/2500-2902-2020-38-3-7-18.
- Герасимова 2002 — А. Н. Герасимова. Нанайский и ульчский языки в России: сравнительная характеристика социолингвистической ситуации // Языки коренных народов Сибири. 2002. № 12. С. 246–257.
- Зализняк 1977 — А. А. Зализняк. Грамматический словарь русского языка. М.: Русский язык, 1977.
- Калинина, Оскольская 2016 — Е. Ю. Калинина, С. А. Оскольская. Нанайский язык // В. Ю. Михальченко (гл. ред.) Язык и общество. Энциклопедия. М.: Азбуковник, 2016. С. 293–296.
- Петрова 1936 — Т. И. Петрова. Ульчский диалект нанайского языка. М.; Л.: Учпедгиз, 1936.
- Стойнова 2020 — Н. М. Стойнова. Разные стратегии адаптации заимствований в похожих морфологических системах: русские существительные в нанайском и ульчском языках // Урало-алтайские исследования. 2020. № 3 (38). С. 92–110. DOI: 10.37892/2500-2902-2020-38-3-92-110.
- Сумбатова, Гусев 2016 — Н. Р. Сумбатова, В. Ю. Гусев. Ульчский язык // В. Ю. Михальченко (гл. ред.) Язык и общество. Энциклопедия. М.: Азбуковник, 2016. С. 513–515.
- Суник 1985 — О. П. Суник. Ульчский язык: исследования и материалы. Л.: Наука, 1985.
- РГ 1980 — Н. Ю. Шведова (ред.). Русская грамматика. М.: Наука, 1980.
- Dressler, Gagarina 1999 — W. U. Dressler, N. Gagarina. Basic questions in establishing the verb classes of contemporary Russian // А. А. Вигасин, Р. Вроон, М. Л. Гаспаров, А. А. Зализняк, Т. М. Николаева, А. Л. Осповат, В. Н. Топоров,

- Л. С. Флейшман (ред.). Поэтика. История литературы. Лингвистика: Сборник к 70-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова. М.: ОГИ, 1999. С. 754–760.
- Forker 2021 — D. Forker. The late success of Soviet language policy: The integration of Russian verbs in languages of the former Soviet Union // *International Journal of Bilingualism*. 2021. Vol. 25. Iss. 1. P. 240–271. DOI: 10.1177/1367006920947168.
- Kazama 2002 — Sh. Kazama. *Ulcha oral literature 2*. (Publications on Tungus Languages and Cultures, 20). Osaka: ELPR, 2002.
- Kazama 2006 — Sh. Kazama. *Ulcha oral literature 3*. (Publications on Tungus Languages and Cultures, 30). Tokyo: Graduate School of Letters, Hokkaido University, 2006.
- Kazama 2008 — Sh. Kazama. *Ulcha oral literature 4*. (Publications on Tungus Languages and Cultures, 43). Tokyo: Tokyo University of Foreign Studies, 2008.
- Kazama 2010 — Sh. Kazama. *Ulcha oral literature 5*. (Publications on Tungus Languages and Cultures, 49). Tokyo: Tokyo University of Foreign Studies, 2010.
- Kazama 2024 — Sh. Kazama. *Ulcha* // A. Vovin, J. A. Alonso de la Fuente, J. Janhunen (eds.). *The Tungusic languages*. London: Routledge, 2024. P. 407–435.
- Moravcsik 1975 — E. Moravcsik. Borrowed verbs // *Wiener Linguistische Gazette*. 1975. Iss. 8. P. 3–30.
- Muysken 2000 — P. Muysken. *Bilingual speech: A typology of code-mixing*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- Myers-Scotton, Jake 2014 — C. Myers-Scotton, J. Jake. Nonfinite verbs and negotiating bilingualism in codeswitching: Implications for a language production model // *Bilingualism, Language and Cognition*. 2014. Vol. 17. Iss. 3. P. 511–525. DOI: 10.1017/S1366728913000758.
- Oskolskaya, Stoynova 2013 — S. Oskolskaya, N. Stoynova. The *la*-form: Russian verbs in Nanai speech // *Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics*. 2013. Vol. 4. No. 2: Special issue “Areal linguistics, grammar and contacts”. P. 99–116. DOI: 10.12697/jeful.2013.4.2.05.
- Stoynova 2019 — N. Stoynova. Russian in contact with Southern Tungusic languages: Evidence from the Contact Russian Corpus of Northern Siberia and the Russian Far East // *Slavica Helsingiensia*. 2019. Vol. 52. P. 9–36.
- Wichmann, Wohlgemuth 2008 — S. Wichmann, J. Wohlgemuth. Loan verbs in a typological perspective // T. Stolz, D. Bakker, R. S. Palomo (eds.). *Aspects of Language Contact*. Berlin; New York, 2008. P. 89–121.
- Wohlgemuth 2009 — J. Wohlgemuth. *A Typology of Verbal Borrowings*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2009.

Источники

- Казакевич и др. — О. А. Казакевич, Е. Л. Клячко, Н. К. Митрофанова. Корпус эвенкийского языка (электронный ресурс). URL: <https://minlang.iling-ran.ru/corpora/evenki> (дата обращения: 18.10.2024).
- Däbritz, Gusev 2021 — Ch. L. Däbritz, V. Gusev. INEL Evenki Corpus (электронный ресурс). Версия 1.0, 2021. Дата публикации 31.12.2021. Архив института Гамбург. URL: <https://hdl.handle.net/11022/0000-0007-F43C-3>. In The INEL corpora of indigenous Northern Eurasian languages. <https://hdl.handle.net/11022/0000-0007-F45A-1>. (дата обращения: 10.18.2024).
- Oskolskaya, Stoynova 2024a — S. Oskolskaya, N. Stoynova. Видовая характеристика русских глагольных основ, заимствованных в нанайский язык [Data set]. Zenodo. 2024. DOI: 10.5281/zenodo.13984060.
- Oskolskaya, Stoynova 2024b — S. Oskolskaya, N. Stoynova. Видовая характеристика русских глагольных основ, заимствованных в ульчский язык [Data set]. Zenodo. 2024. DOI: 10.5281/zenodo.13983665.
- Pakendorf, Aralova 2017 — B. Pakendorf, N. Aralova. Documentation of Negidal, a nearly extinct Northern Tungusic language of the Lower Amur (электронный ресурс). London: SOAS, Endangered Languages Archive, 2017. URL: <https://clar.soas.ac.uk/Collection/MPI1041287> (дата обращения: 16.08.2023).

References

- Avrorin 1961 — V. A. Avrorin. *Grammatika nanayskogo yazyka* [A grammar of Nanai]. Vol. II. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences USSR Publisher House, 1961.
- Baranova 2020 — V. V. Baranova. Adaptatsiya glagolnykh zaимstvovaniy v mongolskikh yazykakh [Adaptation of verbal borrowings in Mongolic]. *Ural-Altaiic Studies*. 2020. № 3 (38). P. 7–18. DOI: 10.37892/2500-2902-2020-38-3-7-18.
- Dressler, Gagarina 1999 — W. U. Dressler, N. Gagarina. Basic questions in establishing the verb classes of contemporary Russian. A. A. Vigasin, R. Vroon, M. L. Gasparov, A. A. Zaliznyak, T. M. Nikolaeva, A. L. Ospovat, V. N. Toporov, L. S. Flejshman (eds.). *Essays in Poetics, Literary History and Linguistics. Presented to Viacheslav Vsevolodovich Ivanov on the Occasion of His Seventieth Birthday*. Moscow: OGI, 1999. P. 754–760.
- Forker 2021 — D. Forker. The late success of Soviet language policy: The integration of Russian verbs in languages of the former Soviet Union. *International Journal of Bilingualism*. 2021. Vol. 25. No 1. P. 240–271. DOI: 10.1177/1367006920947168.

- Gerasimova 2002 — A. N. Gerasimova. Nanayskiy i ulchskiy yazyki v Rossii: sravnitel'naya kharakteristika sotsiolingvisticheskoy situatsii [The Nanai and Ulcha languages in Russia: a comparative description of the sociolinguistic situation]. *Yazyki korennykh narodov Sibiri*. 2002. № 12. P. 246–257.
- Kalinina, Oskolskaya 2016 — E. Yu. Kalinina, S. A. Oskolskaya. Nanayskiy yazyk [The Nanai language]. V. Yu. Mikhalchenko (ed.). *Yazyk i obshchestvo. Entsiklopediya* [Language and society. An Encyclopaedia]. Moscow: Azbukovnik, 2016. P. 293–296.
- Kazama 2002 — Sh. Kazama. *Ulcha oral literature 2*. (Publications on Tungus Languages and Cultures, 20). Osaka: ELPR, 2002.
- Kazama 2006 — Sh. Kazama. *Ulcha oral literature 3*. (Publications on Tungus Languages and Cultures, 30). Tokyo: Graduate School of Letters, Hokkaido University, 2006.
- Kazama 2008 — Sh. Kazama. *Ulcha oral literature 4*. (Publications on Tungus Languages and Cultures, 43). Tokyo: Tokyo University of Foreign Studies, 2008.
- Kazama 2010 — Sh. Kazama. *Ulcha oral literature 5*. (Publications on Tungus Languages and Cultures, 49). Tokyo: Tokyo University of Foreign Studies, 2010.
- Kazama 2024 — Sh. Kazama, A. Vovin, J. A. Alonso de la Fuente, J. Janhunen (eds.). *The Tungusic languages*. London: Routledge, 2024. P. 407–435.
- Moravcsik 1975 — E. Moravcsik. Borrowed verbs. *Wiener Linguistische Gazette*. 1975. № 8. P. 3–30.
- Muysken 2000 — P. Muysken. *Bilingual speech: A typology of code-mixing*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- Myers-Scotton, Jake 2014 — C. Myers-Scotton, J. Jake. Nonfinite verbs and negotiating bilingualism in codeswitching: Implications for a language production model. *Bilingualism, Language and Cognition*. 2014. Vol. 17. Iss. 3. P. 511–525. DOI: 10.1017/S1366728913000758.
- Oskolskaya, Stoyanova 2013 — S. Oskolskaya, N. Stoyanova. The *la*-form: Russian verbs in Nanai speech. *Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics*. 2013. Vol. 4. No. 2: Special issue “Areal linguistics, grammar and contacts”. P. 99–116. DOI: 10.12697/jeful.2013.4.2.05.
- Petrova 1936 — T. I. Petrova. *Ulchskiy dialekt nanayskogo yazyka* [The Ulcha dialect of Nanai]. Moscow; Leningrad: Uchpedgiz, 1936.
- RG 1980 — N. Yu. Shvedova (ed.). *Russkaya grammatika* [A grammar of Russian]. Moscow: Nauka, 1980.
- Stoyanova 2019 — N. Stoyanova. Russian in contact with Southern Tungusic languages: Evidence from the Contact Russian Corpus of Northern Siberia and the Russian Far East. *Slavica Helsingiensia*. 2019. Vol. 52. P. 9–36.
- Stoyanova 2020 — N. M. Stoyanova. Raznyye strategii adaptatsii zaimstvovaniy v pokhzhikh morfologicheskikh sistemakh: ruskiye sushchestvitelnyye v nanayskom

- i ulchskomazykakh [Different loanword integration strategies in similar morphological systems: Russian nouns in Nanai and Ulcha]. *Ural-Altai Studies*. 2020. No. 3 (38). P. 92–110. DOI: 10.37892/2500-2902-2020-38-3-92-110.
- Sumbatova, Gusev 2016 — N. R. Sumbatova, V. Yu. Gusev. Ulchskiy yazyk [The language of Ulcha]. V. Yu. Mikhalychenko (ed.). *Yazyk i obshchestvo. Entsiklopediya* [Language and society. An Encyclopaedia]. Moscow: Azbukovnik, 2016. P. 513–515.
- Sunik 1985 — O. P. Sunik. *Ulchskiy yazyk: issledovaniya i materialy* [Ulcha: Studies and materials]. Leningrad: Nauka, 1985.
- Wichmann, Wohlgemuth 2008 — S. Wichmann, J. Wohlgemuth. Loan verbs in a typological perspective. T. Stolz, D. Bakker, R. S. Palomo (eds.). *Aspects of Language Contact*. Berlin; New York, 2008. P. 89–121.
- Wohlgemuth 2009 — J. Wohlgemuth. *A Typology of Verbal Borrowings*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2009.
- Zaliznyak 1977 — A. A. Zaliznyak. *Grammaticheskiy slovar russkogo yazyka* [Grammatical dictionary of the Russian language]. Moscow: Russkiy yazyk, 1977.

Получено / received 07.03.2024

Принято / accepted 23.04.2024